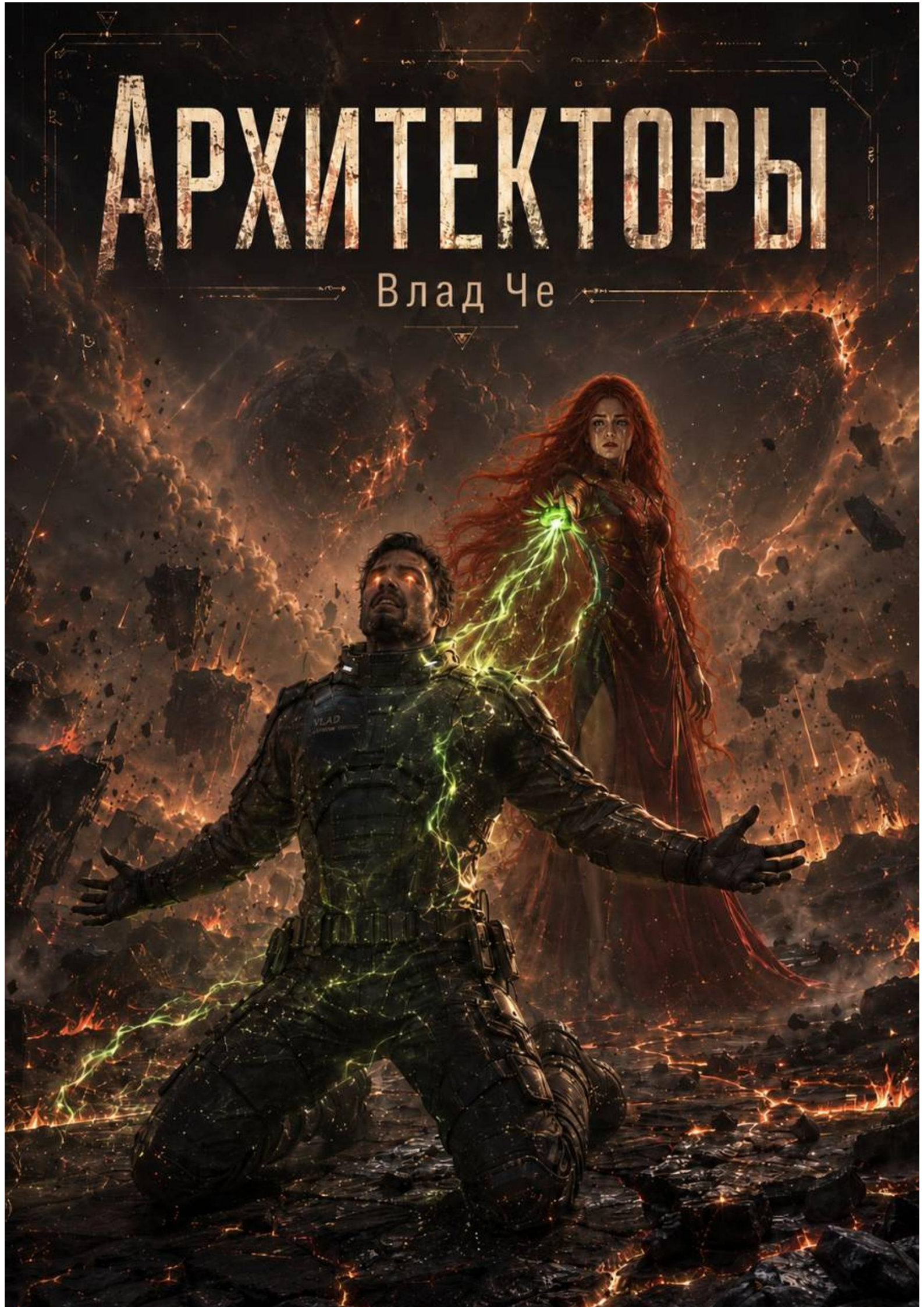

АРХИТЕКТОРЫ

Влад Че

Влад Че
Архитекторы

«Автор»

2026

Че В.

Архитекторы / В. Че — «Автор», 2026

Архитекторы - это история о людях, которые вышли за пределы своих возможностей. В третьем тысячелетии многое изменилось, по сравнению с нашей реальностью, но несмотря на фантастические возможности, когда мир оказывается на краю пропасти, нас всё-равно спасает искренность и любовь.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Протокол восстановления	7
Глава 2. Цвет боли	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Влад Че

Архитекторы

Пролог

Сейчас уже трудно представить себе мир — любой из миров, — в котором не было бы архитекторов.

В третьем тысячелетии они стали одной из самых почётных и нужных профессий. Хотя «профессия» — слово, пожалуй, слишком сухое. Архитекторы не просто строили города, прокладывали маршруты между звёздами или восстанавливали разрушенные планеты. Они меняли саму ткань реальности.

Вы, наверное, прибыли издалека, если ничего о них не слышали. С окраинных колоний? Из закрытых миров, где до сих пор считают, что Вселенная — вещь твёрдая, упрямая, расширяется сама собой и не поддаётся внешнему вмешательству? Что ж, тогда слушайте.

Первыми архитекторами становились люди, которые в совершенстве овладевали чем-то одним: словом, музыкой, рисунком, математикой, искусством мыслить или чувствовать. В какой-то момент их мастерство переставало быть просто мастерством. Оно становилось чем-то большим.

Поэт мог одним стихом остановить распад пространства. Музыкант — успокоить гравитационную бурю. Художник — вернуть цвет выжженной атмосфере. Мыслитель — выстроить вероятности так, чтобы гибнущий город всё-таки пережил ночь. Сначала их считали чудом. Потом стали относиться как к угрозе, но вскоре поняли: без них человечество просто не удержит в руках собственное будущее.

Когда появились первые архитекторы, миры пребывали в хаосе. Колонии воевали за воду и воздух, орбитальные города сходили с траекторий, планеты трескались от неудачных экспериментов, а расстояние между звёздами всё ещё оставалось почти непреодолимым. Но архитекторы научились делать невозможное возможным.

С их приходом начались великие эпохи. Были открыты пути к дальним звёздам. Путешествия, занимавшие годы, сократились до недель и дней. Мёртвые планеты получали океаны. Пустыни становились садами. Войны затихали не потому, что люди внезапно поумнели, — нет, не будем себе льстить, — а потому что у человечества наконец появились новые миры, новые ресурсы и новая надежда.

Но у каждого дара была своя цена.

Архитектор не мог просто изменить реальность и уйти, стряхнув пыль с рукавов. Любое вмешательство оставляло след. Исправляя планету, он слышал её боль. Исцеляя душу, принимал в себя отголосок чужой утраты. Спасая один мир, всегда помнил о тех, до которых не успел дотянуться.

И всё же, если вы хотите понять, кто такие архитекторы, лучше рассказать не о великих реформах, не о звёздных трассах и не о городах под куполами Сатурна.

Лучше рассказать одну историю. Их было двое. Он был архитектором планет. Его звали туда, где миры переживали катастрофы: после падения лун, разломов материков, сбоев терраформирования и войн. Он восстанавливал русла рек, поднимал из пепла леса, выравнивал климат, возвращал дыхание атмосферам и заставлял мёртвую почву снова принимать семена. Он умел слушать планеты. Не образно — по-настоящему. Слышал, как дрожат тектонические плиты, как ворочаются подо льдом океаны, как в глубине гор медленно течёт раскалённая память мира.

Она была архитектором душ. Её работа была тише, но, возможно, труднее. Она не соединяла континенты и не зажигала магнитные поля над полюсами. Она приходила к тем, кто выжил после катастроф, но не знал, как жить дальше. К тем, кто получил новый дом, но каждую ночь видел во сне старое небо. К тем, кто улыбался, разговаривал, работал — и при этом носил внутри целую разрушенную вселенную.

Она не любила слово «исцелять». Говорила, что людей нельзя чинить, как сломанный механизм. Можно только помочь им снова услышать себя.

Наверное, поэтому они и встретились.

Он восстанавливал миры, чтобы в них можно было жить.

Она восстанавливала людей, чтобы они могли в эти миры вернуться. Смешно, правда? В огромной Вселенной, среди сотен планет, тысяч станций и бесконечных маршрутов между звёздами, два человека вдруг оказались нужны друг другу не меньше, чем тем мирам, которые они спасали.

Их история началась на планете, где закат был красным от пепла, а небо казалось треснувшим стеклом. Он смотрел на разломанный горизонт и думал, как вернуть этому миру форму.

Она смотрела на него и, кажется, уже понимала: иногда даже тем, кто умеет собирать планеты заново, нужен кто-то, кто осторожно коснётся их собственной души.

Глава 1. Протокол восстановления

Не все Архитекторы обладали способностью продлевать собственный срок жизни. Как правило, такое удавалось только целителям, но даже те Архитекторы, которые не умели напрямую удерживать жизнь, всё равно жили дольше обычных людей.

В обитаемых мирах средняя продолжительность человеческой жизни давно держалась около ста пятидесяти лет. Это считалось нормой, почти бытовой данностью. Ребёнок выросл медленнее, зрелость длилась десятилетиями, старость перестала быть стремительным падением и превратилась в долгий склон. Архитекторы же порой дотягивали до трёхсот. Их тела иначе выдерживали нагрузку, иначе восстанавливались. Платили за ошибки по-другому.

Влад уже не помнил, как давно этим занимался. Побочный эффект от его работы заключался не только в боли. Боль приходила, делала своё дело и уходила. С ней можно было работать. Хуже были воспоминания. Эмоциональные потрясения, которые проходили через него при восстановлении планет, выжигали память аккуратнее любого огня. Исчезали отдельные лица, годы, голоса, интонации. Иногда он помнил, что скучал по кому-то, но не помнил по кому. Иногда находил в личном архиве собственные записи и узнавал из них, что когда-то уже спасал миры, о которых теперь не мог сказать ничего, кроме номера протокола и класса катастрофы.

Работы всегда было много. Прямо сейчас Влад стоял на поверхности планеты с выжженной атмосферой.

Остатки энергетического купола едва держались, сохраняя последние глотки воздуха. Купол не был частью планеты. Его поставили уже после катастрофы — временная мера, аварийная оболочка, рассчитанная на несколько месяцев, но продержавшаяся почти девять лет. Техники, которые её создавали, явно были талантливы.

Небо над головой было покрыто трещинами и выглядело как стекло, в которое попал камень, но не разбил его окончательно. Трещины, конечно, были не в небе. Влад это понимал. Трескался энергетический купол, удерживающий атмосферный остаток над зоной высадки. Но глаз всё равно видел именно так: будто кто-то ударил по небосводу, и тот чудом не осыпался вниз.

За пределами купола начиналась мёртвая равнина. Почва спеклась в чёрно-бурое стекло. Там, где раньше, вероятно, были водоёмы, лежали плоские соляные впадины с радужной коркой токсичных минералов. Далеко на горизонте висели обломки горной гряды. Они не падали и не поднимались, а медленно дрожали в воздухе, пойманные неправильной гравитацией.

Пепел тоже не оседал. Он стоял в пространстве слоями, как мутная вода. Иногда внутри этих слоёв проходила невидимая волна, и тогда пепел смещался сразу на несколько метров, будто мир делал судорожный вдох.

Влад поднял руку. На внутренней стороне запястья проступила диагностическая сетка: тонкие линии света пробежали по коже, соединились в узор и ушли дальше, под рукав полевого костюма.

Костюм был рассчитан на вакуум, радиацию, температурные перепады и локальные гравитационные провалы. Для обычного исследователя этого хватило бы. Для Архитектора — только до начала работы.

Перед Владом раскрылся полупрозрачный шар планетарной модели. Внутри него медленно вращались слои: кора, мантия, жидкое ядро, твёрдое ядро, остаточные магнитные поля, атмосферные фрагменты, зоны гравитационного перекося. Модель дрожала из-за того, что сама планета больше не имела устойчивой формы в расчётах.

— Атмосферная масса — ниже порога удержания, — негромко сказал Влад.

Голос прозвучал сухо, почти равнодушно.

— Магнитосфера разорвана. Геодинамо нестабильно. Конвекция жидкого ядра нарушена внешним источником массы. Гравитационный градиент смещён к юго-восточному сектору ядра. Радиоактивный фон повышен. Биосферный слой уничтожен.

Он сделал паузу, увеличил внутреннюю проекцию. Тёмный узел возле ядра планеты был хорошо виден. Не природная аномалия, слишком ровные контуры, слишком правильная структура полей, искусственная геометрия повреждения.

— Первичная причина катастрофы: падение искусственного гравитационного реактора орбитального класса.

Модель послушно развернула реконструкцию.

Когда-то вокруг этой планеты существовала система терраформирующих станций. Кольцо, вероятно. Или несколько синхронизированных платформ. Они регулировали климат, распределяли потоки солнечной энергии, удерживали верхние слои атмосферы, корректировали приливные нагрузки. Мир был обитаемым не только благодаря природе, но и благодаря чужому, очень точному инженерному вмешательству.

Потом одна из станций сорвалась с орбиты. Её центральный гравитационный реактор, созданный для управления массой атмосферных и океанических потоков, вошёл в плотные слои, атмосфера вспыхнула. Верхний слой был выжжен почти мгновенно. Ударная волна подняла океаны паром, обожгла материки и сорвала магнитосферный контур. Реактор пробил кору, прошёл через мантию, но не разрушился. Застрыл рядом с ядром и продолжил работать.

Влад смотрел на реконструкцию спокойно. Падающий объект, белый огонь, горящая атмосфера, океаны, превращающиеся в пар. Города, сминаемые ударной волной.

— Небо нельзя восстанавливать первым, — сказал он. — Пока реактор активен, любая новая атмосфера будет потеряна в течение сорока лет. При резонансе — в течение шестнадцати месяцев.

Модель погасла. Влад остался один посреди чёрной равнины, под треснувшим стеклом временного неба.

Архитекторы всегда работали поодиночке. Это было не традицией и не профессиональной гордостью. Просто иначе нельзя. У каждого восстановленного мира должен быть один автор процесса. Одна последовательность причин.

Если два Архитектора начнут писать один и тот же мир, они почти неизбежно создадут конфликт. Реальность получит несовместимые инструкции и выберет не жизнь, а разрушение. Мир можно было спасти только одним текстом.

Влад опустился на одно колено и коснулся ладонью стекловидной почвы. До этого момента он работал с данными. Теперь надо было работать с чувствами. Первые секунды ничего не происходило. Только купол над головой тихо потрескивал, а где-то далеко, за пределами безопасной зоны, плавучая каменная гряда медленно поворачивалась в воздухе.

Потом планета ответила. Боль плавно заструилась по телу. Профессиональные Архитекторы редко позволяли боли быть резкой. Он сам открылся ей дозированно, слоями, как открывают шлюзы между космическими кораблями.

Сначала пришёл жар. Будто его лёгкие выстелили изнутри раскалённым металлом, а каждый вдох стал тем самым последним вдохом атмосферы. Влад не изменился в лице, только медленно выдохнул.

Следом пришла тяжесть, она пронзила грудь, словно сердце стало камнем, пробившим собственные рёбра. На долю секунды ему показалось, что он падает сквозь кору, сквозь мантию, в красное давление ядра, туда, где чужой реактор вошёл в тело планеты и остался в нём, как раскалённый осколок.

Пальцы на правой руке онемели. Гравитационный отклик через периферическую нервную систему. Допустимо. Потом пришёл звук, низкий гул умирающей магнитосферы, резонирующий со всеми костями в теле.

Влад поднялся. Перед ним в воздухе раскрылась первая строка. Она не была похожа на обычный текст. Буквы возникали из тонкого белого света, но вокруг каждой сразу простраивались формулы, векторы, временные метки, допуски и условия. Текст разворачивался слоями: человеческий язык сверху, математическое описание ниже, причинная структура ещё глубже.

Влад начал писать: «Протокол восстановления. Первая фаза»

Слова повисли перед ним и слегка дрогнули, словно воздух не решался их удерживать. Влад продолжил: «Первичная цель: стабилизация гравитационного профиля планеты без извлечения чужеродной массы.»

Боль в груди усилилась. «Искусственный гравитационный реактор не подлежит удалению. Объект включается в систему вторичного равновесия. Активность реактора ограничивается локальным контуром допуска. Амплитуда аномалии снижается постепенно, без ударного гашения и резонансного отклика коры.»

Где-то под поверхностью прошёл толчок. Как если бы огромный организм, очень давно лежавший в неудобной позе, впервые позволил себе чуть сдвинуться. Плавающие обломки горной гряды на горизонте дрогнули. Один из них сорвался вниз, но не рухнул. Медленно, почти осторожно опустился на склон, подняв серое облако пыли.

Влад писал дальше. «Смещение жидкого ядра компенсировать через восстановление осевой симметрии вращения. Северный разлом не тревожить. Южную мантийную зону не пере-

грузать. Гравитационную коррекцию проводить семью малыми фазами. Межфазовая пауза — до исчезновения корового напряжения.»

Планета снова ответила. На этот раз боль прошла снизу вверх. Влада качнуло, но он удержался. На языке появился вкус железа. Сосуды в левом глазу лопнули — изображение на мгновение окрасилось красным. Он моргнул.

Восстановление продолжалось. Для внешнего наблюдателя всё выглядело бы почти торжественно: один человек стоит посреди мёртвого мира и пишет светящиеся строки в воздухе, а под его рукой меняется планета.

На самом деле это было больше похоже на операцию без права на наркоз. Влад чувствовал каждую строку телом. Если формулировка была слишком грубой, боль становилась рваной. Если он выбирал неверную последовательность, в висках начинало давить так, будто череп сжимали изнутри. Если планета принимала описание, боль выравнивалась, но не исчезала.

Архитекторы учились этому годами. Не терпеть боль — это умеют многие. Терпение само по себе не профессия. Они учились не спорить с ней. Не ускорять процесс из желания быстрее освободиться. Не показывать слабость. Влад писал до тех пор, пока горизонт не перестал дрожать.

Потом в воздухе появилась новая строка. «Вторая фаза. Восстановление магнитосферы»

Он остановился всего на несколько секунд. Этого хватило, чтобы кровь из носа успела дойти до верхней губы. Влад стёр её большим пальцем и продолжил. «Геодинамо запускается после стабилизации осевой симметрии. Поток жидкого металла в ядре восстанавливается без теплового скачка. Первичный магнитный щит формируется на минимальной мощности. Нарастивание напряжённости поля — по мере снижения солнечного сноса верхних атмосферных остатков.»

Когда последняя строка закрепилась, небо над куполом изменилось. За пределами аварийного поля, высоко над мёртвой поверхностью, вспыхнула тонкая дуга света. Бледная, почти бесцветная. Она прошла по горизонту и погасла. Через несколько секунд появилась снова. Потом ещё одна. Полярное сияние. Слабое, неровное, но настоящее.

Планета впервые за долгие годы попыталась защититься сама. Влад позволил себе короткий вдох. Ошибка. Лёгкие тут же отозвались ожогом, будто атмосфера, которую когда-то сожгло в небе, решила напомнить ему, что он ещё не заплатил за следующую часть работы.

Он сжал зубы. Снаружи это выглядело как обычная пауза специалиста, сверяющего расчёт. «Третья фаза. Восстановление атмосферы.»

Эта строка далась тяжелее остальных. Атмосфера была не только газовой оболочкой. В ней хранилась память звуков, дыханий, ветров, криков, дождей. Вернуть её означало пропустить через себя не одну геологическую катастрофу, а исчезновение всего, что когда-то дышало.

Влад знал это и всё равно написал: «Создание атмосферы из внешнего источника запрещено до завершения магнитосферной стабилизации. Первичная масса восстанавливается за

счёт высвобождения связанных летучих соединений из подповерхностных слоёв. Азотный баланс — через глубокие минералы. Водяной пар — через управляемое вскрытие криолитовых пластов. Кислород — не вводить свободным потоком до запуска первичной биохимической регуляции.»

Планета ударила по нему тишиной. Это было хуже боли. На мгновение Влад почувствовал пустоту. Место, где когда-то были голоса, шорохи, дыхание животных, листва, прибой, смех в городах, гул рынков, вздохи спящих детей. Всё это оборвалось одновременно. И тишина вошла в него так глубоко, что он едва не забыл собственное имя.

Влад.

Он удержал его усилием воли. Влад. Архитектор восстановления миров. Протокол активен. Третий контур не завершён.

Он дописал следующую строку. «Давление повышать ступенчато. Не допускать ударной нагрузки на кору. Токсичные оксиды связывать в нижнем слое. Пепельную взвесь осадить после формирования устойчивого воздушного столба.»

Пепел начал падать. Серые слои, висевшие в воздухе годами, потеряли прежнюю неподвижность. Потом они опустились ниже, сомкнулись, пошли волнами и наконец посыпались вниз — медленно, тяжело, густо.

Это был первый признак восстановления. Влад смотрел, как он ложится на стекловидную почву, и писал дальше. «Облачный слой формировать после достижения минимального давления. Первые осадки — не ранее стабилизации температурного градиента. Кислотность дождя удерживать в допустимом разрушительном диапазоне для очистки поверхности. Не превышать порог вторичной эрозии.»

Купол над головой застонал. Его трещины вспыхнули, расширились, и на мгновение показалось, что он не выдержит, но теперь купол был уже не единственным, что держало воздух. Вокруг него, за его пределами, начиналась новая оболочка почти непригодная для дыхания, но она была.

Влад ощутил первый ветер. Он пришёл осторожно, поднял пепел у ног, коснулся края плаща, прошёл по рукавам костюма. Ветер пах металлом, гарью и солью. Потом с неба упала первая капля. Чёрная. Она ударилась о стекловидную почву и оставила круглое пятно. Потом дождь пошёл плотнее. Он был тяжёлым, тёмным, грязным. Не очищал мир, пока ещё нет. Он только смывал верхний слой смерти, чтобы под ним когда-нибудь могла появиться почва.

Влад поднял лицо к дождю. Защитный фильтр костюма тут же выдал предупреждение о химической опасности. Он отключил звуковой сигнал. «Четвёртая фаза. Первичная биосферная подготовка»

Рука дрожала. «Запуск биосферы отложить до завершения атмосферной и почвенной стабилизации. Восстановление не является воскрешением прежнего состояния. Планета не возвращается к исходной форме. Планета переводится в жизнеспособную следующую форму.»

Эта строка была важнее, чем казалась. Начинающие Архитекторы часто ошибались именно здесь. Они пытались вернуть мир таким, каким он был. По архивам, по памяти, по просьбам выживших, но восстановление не было отменой катастрофы. Нельзя вычеркнуть то, что произошло. Можно только вписать планету в новую устойчивую конструкцию.

Влад продолжил. «Минеральная токсичность снижается через связывание активных соединений в нижнем слое. Поверхностная пыль переводится в основу первичного грунта. Микробные культуры допускаются после стабилизации ультрафиолетового фона. Фотосинтетический слой — после подтверждения устойчивого водного цикла.»

Последняя строка долго не закреплялась. Она дрожала в воздухе, распадалась на фрагменты, собиралась снова. Планета сопротивлялась. Влад понял это по своим ощущениям. Ему снова стало трудно дышать. Он почувствовал недоверие мира как спазм в собственных лёгких. Планета помнила падение реактора. Помнила станции, которые должны были защищать её. Помнила людей, которые построили эти станции.

А теперь перед ней снова стоял человек и писал светящиеся строки. Влад медленно опустил руку. Не остановил протокол, просто перестал давить.

— Я не возвращаю тебя назад, — сказал он тихо.

Голос прозвучал хрипло. В этом не было необходимости. Протокол не требовал слов, произнесённых вслух, но иногда миру нужно было услышать.

— Я не буду делать вид, что этого не случилось.

Дождь темнел на его плечах.

— Я только опишу путь, по которому ты сможешь жить дальше.

Он поднял руку снова. На этот раз строка изменилась. «Термические шрамы коры сохранить как зоны глубинного отвода тепла. Гравитационный реактор оставить в составе вторичного равновесия. Солёные впадины использовать как будущие минерализованные бассейны. Пепельные слои включить в почвообразование.»

Строка закрепилась. Боль отпустила не сразу, но сопротивление исчезло. Вдалеке, там, где чёрная равнина переходила в соляную впадину, стекловидная корка треснула. Из-под неё выступила вода. Тёмная, густая, насыщенная минералами.

Влад закрыл протокол. Светящиеся строки ещё какое-то время висели перед ним, затем начали уходить вниз: в почву, в дождь, в гравитацию, в слабую магнитную дугу над горизонтом. Мир принимал написанное как новую последовательность причин.

Когда последняя строка исчезла, боль обрушилась целиком.

Влад опустился на одно колено. Ладонь сама упёрлась в землю, чтобы он не упал лицом в чёрную грязь. Сердце билось неровно, кровь из носа снова пошла, на этот раз сильнее. Под рёбрами было ощущение, будто там оставили часть чужой гравитации.

Он знал порядок действий. Не двигаться резко, проверить дыхание, отделить собственную боль от остаточной планетарной. Медленно вдохнул, потом выдохнул. Через несколько минут боль стала терпимой. Это уже считалось хорошим исходом. Влад поднялся, вызвал на запасные итоговую диагностику.

Гравитационный профиль: стабилизирован.
Магнитосфера: первичный контур восстановлен.
Атмосферная масса: рост подтверждён.
Осадки: запущены.
Биосферная подготовка: отложенная фаза активна.
Риск повторной потери атмосферы: снижен до допустимого.

Влад посмотрел на последнюю строку. «Допустимого.» Смешное слово, если подумать. Так бюрократично звучит спасение мира. Он сделал отметку в личном журнале: «Планета 7-43-К. Катастрофа орбитально-гравитационного класса. Протокол восстановления выполнен. Прогноз жизнеспособности: положительный. Полное биосферное возвращение: от двухсот до четырёхсот лет.»

Пальцы задержались над полем личного комментария. Обычно он ничего туда не писал. Сегодня оставил короткую запись: «Первый дождь был чёрным, как будто планета приняла утрату.»

Он не знал, зачем оставил эту фразу. Возможно, для отчёта она не имела никакого смысла. Возможно, через несколько лет он сам прочитает её и не вспомнит ни эту равнину, ни треснувшее небо, ни то, как пепел наконец начал падать вниз. Память уже начинала стираться.

Он чувствовал это по знакомой пустоте за глазами. Некоторые детали уходили первыми: точный рисунок трещин на куполе, запах ветра, форма дальних обломков. Потом исчезнет звук планетарной боли. Потом — собственный страх.

Влад поднял голову. Небо всё ещё было мёртвым по меркам живых миров. Низкое, грязное, тяжёлое. Но теперь в нём двигались облака. А между ними, далеко на высоте, мерцала тонкая защитная дуга. На запястье вспыхнул сигнал нового входящего вызова. Влад не стал его открывать. Позволил себе ещё несколько секунд постоять под чёрным дождём и посмотреть, как вода собирается в неровностях стеклянной почвы.

Потом купол над зоной высадки окончательно погас, он больше не был нужен. Воздух вокруг всё ещё нельзя было назвать пригодным для жизни, но он уже принадлежал планете, а не аварийной машине. Влад сделал один осторожный вдох через фильтр и почувствовал, как внутри снова отзывается чужая боль. За его спиной чёрный дождь падал на мёртвую землю.

Глава 2. Цвет боли

Я была Архитектором Душ, и мне по-настоящему нравилась моя работа. Формально меня относили к целителям, но это всегда казалось мне слишком грубым обозначением. Целители работали с телом, тканями, органами, регенерацией и сроком жизни. Тело, при всей своей сложности, оставалось строгой системой, в его основе всё подчинялось вполне чётким законам.

Сломанную кость нужно было срастить. Повреждённый сосуд — восстановить. Нарушенную проводимость нерва — вернуть. Даже старение, если смотреть на него достаточно внимательно, становилось последовательностью процессов.

С душой всё было иначе.

Душа редко ломалась там, где были трещины. Она могла дрожать от страха, когда на самом деле умирала от стыда, злиться, когда просила о помощи. Могла молчать годами, пока внутри неё продолжал гореть один-единственный день, пережитый когда-то давно.

У души тоже были закономерности, просто они не походили на формулы. Их надо было не решать, а различать. По оттенку и температуре, вкусу или цвету. По тому едва заметному сопротивлению, которое возникает, когда человек говорит: «со мной всё в порядке».

Моя сила работала через цвет.

Влад писал свои Протоколы в воздухе светящимися буквами. Я видела запись: каждая его строка становилась инструкцией для материи, причинностью, законом перехода. Он описывал миру, каким образом тот должен измениться, и реальность, если описание было достаточно точным, принимала этот текст.

У меня было не так. Я рисовала. Не картины в привычном смысле. Это были не портреты или пейзажи, не красивые образы для галерей. Я писала состояние души так, как хирург вскрывает тело, только вместо разрезов у меня были линии, пятна, переходы цвета, глубина слоя, плотность мазка.

Тревога почти всегда ложилась тонкими жёлтыми нитями, острыми и колючими. Вина давала густой тёмно-фиолетовый цвет, который плохо смешивался с другими и всё пытался утянуть вниз. Горе было не чёрным, как думают многие, а глубоким синим, почти бездонным. Чёрным становилось не горе, а место, где человек запретил себе чувствовать.

С одним человеком я могла работать часами, иногда днями. Сначала рисовала его внутреннюю карту, потом мягко меняла в ней то, что уже было готово измениться. Не ломать и не переписывать — это было главным правилом.

Душа не терпит насилия, даже когда насилие называют лечением. С большими массами людей всё было сложнее. Там уже нельзя было слышать каждую отдельную боль. Надо было видеть общий рисунок: коллективный страх, усталость поколения, травму города, потерю смысла у цивилизации, которая прожила слишком долго и вдруг поняла, что долгая жизнь не отвечает на вопрос «зачем».

В основном моя работа была мирной. Продление жизни принесло мирам не только счастье. Сначала все говорили о победе над преждевременной смертью. Потом — что сто пятьдесят лет жизни стали нормой. И только позже пришло то, о чём почему-то мало кто думал заранее.

Усталость от собственной биографии. Страх прожить ещё сто лет и ничего не изменить. Разрушенные семьи, которые не выдерживали времени. Древние цивилизации, пережившие собственные мечты. С этим я умела работать.

Я возвращала волю к жизни тем, кто считал вечность наказанием. Помогала колониям переживать катаклизмы. Собирала рассыпавшиеся сообщества после эвакуаций. Рисовала для

городов новые эмоциональные центры, чтобы люди не просто выживали, а снова начинали строить, любить, спорить, рожать детей, смеяться над глупостями.

Но в этот раз меня позвали не к городу или цивилизации пострадавшей от катастрофы. Меня позвали к другому Архитектору.

Я сидела в просторном зале Совета, где обычно решали судьбы миров. Помещение было слишком большим для присутствующих: гладкий тёмный пол, высокие стены без окон, тонкие вертикальные линии света, уходящие куда-то вверх, и огромный голографический экран, на котором ещё несколько минут назад показывали запись восстановления планеты класса 7-43-K.

В центре зала, на возвышении, сидели Властители. Их было семеро. Они редко собирались лично, и ещё реже — ради состояния одного человека. В их глазах отдельный Архитектор обычно был не личностью, а ресурсом высшей категории. Редким, ценным, почти незаменимым, но всё-таки ресурсом.

Я знала это до того, как вошла и всё равно разозлилась сильнее, чем планировала. Запись закончилась, но перед глазами ещё стоял Влад. Человек в тёмном защитном костюме. Один на поверхности мёртвой планеты, под треснувшим энергетическим куполом, который выглядел как разбитое небо. Он писал в воздухе светящиеся строки, и после каждой строкой мир начинал меняться.

Это было грандиозно и страшно, но я смотрела не на планету. Я смотрела на него. На то, как он держит плечи, как задерживает дыхание после каждой фазы, стирает кровь с верхней губы таким движением, будто убирает техническую помеху, как его лицо не меняется, когда тело уже явно находится за пределом допустимой нагрузки.

В какой-то момент я поймала себя на том, что вожу пальцем по собственной руке. Невидимые линии, автоматический жест. Так я всегда делала, когда начинала раскладывать чужое состояние на цвета.

У Влада их было слишком много. Тёмно-красный — боль, не выходящая наружу. Белый — сверхконтроль. Грязно-серый — усталость, накопленная за долгие годы. Жёсткий металлический синий — профессиональная диссоциация. Чёрные провалы — память.

Особенно память. Когда запись показала, как он на мгновение почти забывает собственное имя, я перестала дышать. Никто в зале, кажется, не понял, что именно произошло. Для них это был рабочий риск. Нейрокогнитивный сбой средней тяжести. Отклонение, указанное в медицинском протоколе мелким шрифтом. Для меня — красный сигнал, который должен был остановить все следующие задания.

Когда трансляция закончилась, в зале на несколько секунд стало тихо. Один из Властителей, высокий мужчина с серебряными имплантами вдоль висков, сложил ладони и сказал:

— Как видите, восстановление прошло успешно. Нас интересует ваше заключение о возможности дальнейшего сопровождения Архитектора. Его специализация уникальна. Мы хотели бы понять, можете ли вы стабилизировать его состояние между заданиями.

Я повернулась к нему. Наверное, моё лицо в этот момент было не самым дипломатичным.

— Вы считаете, что это нормально?

Слова прозвучали резче, чем следовало, но я не стала смягчать тон.

— Вы только что показали мне человека, который пропустил через себя смерть планеты, потерял фрагменты памяти прямо во время работы, пережил тяжёлый нейроэмоциональный удар, закончил протокол просто на чистой воле, а потом получил новый вызов, даже не успев перевести дыхание. И вы спрашиваете, могу ли я «стабилизировать его между заданиями»?

Серебряный Властитель не изменился в лице.

— Его показатели находятся в пределах допустимого.

Я рассмеялась, коротко, некрасиво.

— Допустимого для чего? Для отчёта? Для того, чтобы он не умер под камерой?

Один из семерых, женщина в тёмной мантии без знаков отличия, подалась вперёд.

— Осторожнее, Архитектор Надежда.

Полное имя из её уст прозвучало как предупреждение. Я кивнула.

— Хорошо, тогда осторожно. У него выраженная травматическая амнезия. Не единичная, а повторяющаяся. Судя по реакции на третьей фазе, он удерживает личностную связь через волевой якорь: имя, профессия, активный протокол. Это не восстановление, это аварийная фиксация личности. Он не справляется, он едва сдерживает распад.

— Он функционирует, — сказал другой Властитель.

— Нет, — ответила я. — Он выполняет задачи. Это не одно и то же.

Я поднялась со своего места. Пол зала отозвался на движение мягким светом. Передо мной появился тонкий прямоугольник прозрачного полотна. Зал Совета сам подстраивался под Архитекторов, когда те начинали работу, наверное, это должно было выглядеть уважительно. На деле было просто удобно.

— Разрешите продемонстрировать.

Не дожидаясь согласия, я коснулась воздуха. На кончиках пальцев проступила краска. Сначала белая. Я провела линию сверху вниз — ровную, холодную, почти слепящую. Линия стала позвоночником будущей картины.

— Это его контроль.

Следом легла вторая линия, красная, но не яркая, а глубокая, как кровь под кожей.

— Это боль, которую он не выражает.

Я добавила синий, жёсткий, металлический, почти безжизненный. Он лёг поверх красного и частично заблокировал его.

— Это профессиональное расщепление. Не патологическое само по себе. Рабочий механизм. Он отделяет себя от переживания, иначе не сможет закончить протокол.

Потом я взяла серый. Цвет оказался тяжёлым, он не хотел ложиться ровно, расплзался, забивал края, глушил остальные оттенки.

— Это накопленная усталость. Не физическая, физическую ещё можно компенсировать. Это усталость смысловая. Он слишком много раз был последним человеком рядом с умирающим миром.

Властители молчали. Я добавила чёрный. Пятна появились не поверх картины, а внутри неё, как провалы, в которых исчезал слой за слоем.

— А это память.

Женщина в мантии чуть заметно нахмурилась.

— Нам известно о частичных потерях.

— Нет, — сказала я. — Вам известно об их наличии, но вы не понимаете их функции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.